

Ткань времени

Приснилось...

От нарядов утомилась,
разрыдалась донага
осень в парке. Ночь ложилась
на пушистые снега.

Утром солнцу улыбнулась –
обнажается земля.
Птичьим щебетом взметнулась,
шепчет в ландышах: твоя!..

Прошумит зелёным платьем –
звёздный август на хвосте.
Смотришь, жизнь прошла – в объятьях,
в женской, вечной суете.

4 февр. 10

Друг мой истинный, глубокий,
мы знакомы так давно!
Звёзды были одиноки,
тёмным вечности окно...
Помнишь первой встречи взрыв –
муки радости навзрыд?

Протянув друг другу строки,
ткали времени пергамент...
Шелест неба, вехи, вздохи
наших судеб – только грани,
только отблеск первой встречи:
вспоминать себя так легче.

Друг мой искренний, последний,
мы с тобою время ткали –
как по радуге олени,
мы над бездной цокотали, –
чтоб на этом свитке малом
Слово Божье проступало...

15 янв. 2011

Невеста утренней росы

Плавниками краснея в колодце,
время плещется в сердце, как солнце.
Рассыпаются бусинки-даты.
Ледохода я слышу раскаты...

Женской нежностью сотканный кокон,
в тишину окунувшийся окунь,
я на ощупь, как воздух губами,
постигаю стихов твоих пламя...

А в раскрытые сны на пороге
небо входит большими глотками.
На ступенях рассыпаны строки.
Водит бездна в ночи плавниками...

Журчанье звёзд. Река. Забытый уголёк.
Слезинкой пламенной закатный круг истаял.
Закрыта речь. Минутный сон истёк.
Мерцает капля памятью кристалла.

Родился. Умер. Утренней росы
я сказку досмотрю, потом поговорим.
Россия. Том второй. У Гоголя спроси:
чем растопить камин?.. Темница. Третий Рим.

Насквозь и настезь – белые ступени
текучих звёзд. Страницы чистой воли.
И воздух, каплями мгновений
пропитанный, как хлеб причастный кровью.

окт.09

Прогноз погоды

Умолкнет будней усталый бубен.
Посмотрит в небо, всё понимая,
тоска по дому, по птичьей стае...
В пустыне людной зеркальный странник,
твой день упрям и колос труден.
Тяжёлый лирик, чей крик не слышен...

Верь, ветер, верь: вздох бурей будет!
Сорвёшь с петель всех страхов ставни!
Воздушным замком – заря над крышей,
тоска по дому расправит крылья...
И брякнет критик: тебя открыли.

14 мар. 10

Пушкинскому Дому в Коломне

Я не хотел поэзии жестокой
стать рыцарем скупым: служить,
немых страстей нанизывая строки
на жизни праведную нить.

Но вздохи нижутся, душа бежит меж строк –
за встречей встреча – в вечность уходя...
Ты слово обронил, что я забыть не смог:

никак не мог найти его! Шутя
играла девочка небесная с тобой.
Судья увлёкся, подводя итог.

Где стол стоял – там омут голубой.
Почтовый голубь улетел домой...
Всё перепутано. Свобода рвётся в бой!

Вздохнула девочка – и отпустила нить:
ах, бусинки стихов бегут, летят враздробь!..
Сквозь слёзы гордости – букет октав на гроб.
И молча тайну в омут обронить...

Душа есть память чистого листа;
и рыцарь скуп – поэзия проста:
извлечь глоток из тьмы библиотек:
живи один, чтоб говорить за всех.

13 янв. 10

Царевну мёртвую – разорванное время –
целует ночь снежинками стихов.
Кружатся вздохи... Мы навечно с теми,
с кем жить случилось. В полынье веков
мерцают встречи... Я шепчу: прости...
Душа легка. И чудо непреложно.
И нет разрывов на его пути!
Царевна-лебедь покидает ложе.
Щебечут звёзды. Тает снег в горсти.

1 нояб. 2010

Ты

Текучая основа жизни –
случайности лучающаяся воля,
ты – память о взыскуемой отчизне
и времени лицо живое.

Окном распахнутое небо –
воздушный замок во плоти,
и бег коня, и запах хлеба –
дыханье твоего пути.

Лист целомудренный и белый,
мерцанье опыта в очах,
подснежники и зори веры,
ты – слёз растопленных очаг.

Один – как друг – как дом – как лес –
стоишь – под треск весёлый звёзд –
исполнен музыкой небес,
и плачешь ты – воскрес Христос!

4 нояб. 2010

Жалость

ода

Жжёт жестокая, клонит к земле –
неподъёмная жалость безбрежна!
Камни душ сберегает во мгле
беспросветная эта надежда.

Всё простят снисходительно: жадность,
вероломство страстей, – что угодно!
Не прощается терпкая жалость –
материнская нежность-утроба.

Как тут строить, дерзать, делать выбор,
когда очи людей и зверей
молча сердце пронзают навывлет
бесприютностью детской своей?

Закидает насмешками злоба
влагу вечности в смертных глазах,
белый ужас соснового гроба –
унижающей жалости знак.

Нет страшнее тебя, тихий омут –
беззащитность открытой души –
нестерпимая искренность дома, –
прочь, проклятая! дай погрешить!

Жжёт жестокая, клонит ко сну,
всей вселенной подкатит под горло,
поцелуем когда прикоснусь
к одиночеству пропасти гордой.

Не снести эту ношу воздушную,
не порвать верной жалости цепи!
Время вольное и равнодушное
нас безжалостно лечит и лепит.

20 нояб. 2010

Живите в доме – и не рухнет дом.

А.Тарковский

Не делай выводов, мой друг, скоропостижных,
чтоб не упорствовать потом.
Кривая правды – древо жизни:
небесных сводов шелест книжный,
воздушный замок, скал излом,
крик тишины, изгибы волн...
Безумьем трезвости безбрежной опьянён
чернорабочий бездны – вол,
влюблённый в ласточек, застывших
в мгновенной вспышке снежных догм.
Не делай выводов, мой друг, скоропостижных:
не верь глазам – не рухнет дом.

18-22 нояб.09

Я знал тебя. Зарница промелькнула.
Сомкнулись своды. Целые миры
ушли под лёд, оглохшие от гула
слов каменных, катящихся с горы.
Так учит тьма нас правду говорить.
В глаза глядит направленное дуло,
стальная власть бесстрастного закона.
Так растеряли мы друг друга
в том мире, что за рамою оконной.
Мелькают спицы голубого круга.
Сомкнулись воды памяти бездонной.

январь. 2011

Дважды два чудо

Не развязать фантома узел,
не отыскать сосцов у рыбы:
толпою стали те, кто струсил
конкретики, предав свой выбор.

Путь доказательств вьётся змейкой,
снежком окутывает скука:
хоть трижды прорубь лбом пробей ты –
Емеле не поверит щука!

03 янв. 2011

Стихопляс

Когда простые истины
берут над нами тихо власть,
и ближнему простили мы
грехи свои, и меркнет страсть
осенним вечером: остыл
очаг её, – нам в сладость
стихами речку дней мостить,
с холодной рифмой сладить.
Как чётки, строки уловить
помогут мерный жизни пульс,
душа на ощупь звуков нить
перебирает... Не боюсь
забыть себя тогда – и в пляс
пуститься! Нить времён тонка,
и память мира глубока,
и в книжной полегли пыли
бойцы. Но музыка зажглась!
Где истины простые?
Где стыд? Где страха костыли?
Резона нету в дважды два
уверовав, терять права
на бездну и на крылья.

25.08.12

Вновь я собрался и пустился,
членораздельность вышла из кустов.
Вблизи ручьём весёлый стих струился,
лес шелестел ступнями строф.

Листочком прикрываясь рифмы,
в луче играла вольная со мной.
Я вырвался из тела вслед за нимфой,
и разум праздновал покой.

Лицо с изнанки, дрожь по коже,
бессмысленный и беспощадный трёп.
Стихи стройней становятся и строже
под равномерный ритма шлёп.

Подножием грибной корзины,
болотной кочкой память жгла в ночи.
Я радугу прочёл до середины,
зло жизни вынул из печи.

Над бездной лесенка журчала,
мирским узлом ворочал век-причал.
Во сне со мною вольная играла,
её я контур нашептал.

29.01.12

Нас воры учат *жить красиво*,
а дезертиры – Родину любить.
Гадает Гамлет: *быть, не быть...*
Ты, Истина, как встарь, удел для сирых.

Сталь устаёт, стареет тело.
Тускнеет звёзд иконостас.
Так закалялась искренность и зрела,
бесстрашьем солнца прорастая в нас.

Ребёнок-бог посмотрит *вдруг*
из глаз твоих – и слово *Друг*
омоет вольной, чистой негой,
расправит душу, словно небо...

21.01.12

Михаилу Вороткову

Свобода терпелива, как молчанье.
Любовной связью с мировым Началом –
в пробелах между слов в речах иных –
растёт косноязычье сил взрывных.

Прислушиваясь к ритму и корням,
нанизывая жизнь на строки,
поэт собирает время в свой карман.
И смотрят звёзды в омут одинокий

его души: у них одна природа –
одна задача – время сберегать.
И свет дарить, разматывая вспять
в строфу спрессованные годы.

27 дек. 2010

Ткань времени

1.

Строчить стишки, ловить ли рыбу,
молиться Богу, собирать грибы –
всё та же страсть: порыв ли к небу,
в глубь «я и ты», в глушь мира по гробы, –
всё тайна, поиск. Дышит время.
Движенья нет, покоя нет. Есть вер
взрывная воля – *человектор*.
И чело-вечность. Ритм и глазомер.

2.

Глядит на звёзды грешный человек:
нить взгляда называя «время»,
суть времени он называет «свет», –
и так творится в мире *вера*.
Звезда погаснет – грех возьмёт своё.
Твои разорванные нити
уходят в тишину таких времён,
где звёзды – лишь стежки событий.

29.08.12

Небесный лучник

1.

Стихами дышит время – в полусне
как будто вспышки памяти. И снова
живешь на ощупь. Пузырьками дней
играет радуга, рождая слово.

Вдруг – совести незримая дуга
соединит разорванные части.
Свободой задыхаешься тогда.
Ни глубже муки в мире нет, ни счастья.

2.

стансы

Сегодня солнца свет иной –
как будто, размыкая круг,
набухло времени зерно –
и воплотился в камне звук.

Росток прорезался – и влагой
души омытое лицо
склонилось над землёй-бумагой,
как небо – над своим гонцом.

И жадно впитывая мягкий,
ещё неявный жизни ритм,
с тобой строка играет в прятки,
с тобой немая говорит.

Рассвета лучник сон твой властно
пронзил улыбкой – дрогнул стиль:
ты слышишь, *лучник* в одночасье
мечту на волю отпустил.

3.

Вечер дышит на пороге.
Ветер ловит эти вздохи.
Друг мой, август густоокий,
зверь мой рыжий, одинокий.
Мы же вместе – значит вечны.
На пороге дышит осень.
Души, вздохи... – ловит, носит
их по свету ветер, ветер.
Стонет тополь, мчатся тучи.
Вздохи, души... – время лечит.
Звери, люди – ловит, любит
всех бесстрашный *солнца лучник*.

4.

Ветку вербы обронила,
растворилась сном во сне.
Каплей веры напоила,
плачет радугой в окне.
Вьётся строчкой в белой мгле.
Пляшет бешеная стрелка
на арене зим и лет.
Счётчик счастья. Колесница
точек зренья. Скачка века.
Ветер, вещи, души, спицы.
Вербы ветка. Явь ли, бред?
Но не дремлет *лучник света*:
есть вопросы – смерти нет.

4 -9.08.12.

Былинка

Хоть тяжело подчас в ней время,
Телега на ходу легка...

Пушкин. «Телега жизни»

Растёт росток. Скрипит телега.
Тоска твоя – белее снега.
Искрится взгляд речных излучин.
Вздыхает лес. И свет нескучен.
Горит восток. Играют дети.
Любви росток – из тьмы столетий.

Ворчит родник. Земля родная!
Строитель слеп – страстьми сжигаем.
Вбит в храме кол. Даль однобока.
Растёт раскол. Петлёй дорога.
Любви росток – в снах бесконечных.
Зов колокольный, белоснежный.

Стоит страна в сугробах странных.
Горчит свобода ритмов рваных.
Свистит безлюдье на распутьях.
Ну, будь, что будет! Бес нас крутит.
Застыла кровь в морщинах ветра.
Растёт росток. Мужает вера.

Спит в чреслах время. Щебет млечный.
Звёзд желторотик. Отпрыск речи.
Молчать и петь. Тьма круговерти.
Терпенье матери – бессмертье.
Любви росток – ждёт человека.
Тоска твоя – светлее света.

02.09.12

Закат разгорается. Осень.
Чуть слышно шуршит метроном,
тот вечный, что в сердце мы носим,
еловым укутавшись сном.

И утром, мы верим, затеем
побег из любимой тюрьмы.
Спасут нас засовы и двери,
что втайне навесили мы.

Ведь каждый здесь узник и стражник:
других здесь никто не встречал.
Собою не узнанный страждет.
Забыт колыбельный причал.

Заря расплывается. Солнце
строкою бежит. И весна
не знает, как осень смеётся –
бездомной тоскою полна.

В заката багряном колодце
я видел себя из окна.

5.сент.12

Рождение слова

Звук осторожный и глухой
Плода, сорвавшегося с дерева,
Среди немолчного напева
Глубокой тишины лесной...

Мандельштам.

Прозренья зрелого веселье –
не суд, но сад судьбы осенний.
Лесов хрустящих дух грибной,
небес пронзительных покой.
И вечерами долго слушать
грусть, возвышающую душу.
Прозренья зрелого часы
вскрывают в памяти разбухшей
чернорабочие пласты.

Припоминанье добрых рук,
и яблок падающих звук
в полночной тишине большой.
Звёзд переключка – слово *друг*,
рождаясь, видит нас с тобой.
И воздух, искренно-бесстрашный,
наполнив смыслом жизни круг,
души справляет новоселье,
как первый снег на чёрной пашне,
как первый стих поэту важен –
прощальный свет любви последней.

Не суд, но сад осенний. Треск
в печи поленьев – как протест,
борьба со смертным наваждением.
Слов девальвацию, растление
зима излечит льдом забвенья –
и память чистого листа
так бесконечна и проста,
как целомудренна свобода
в круговороте вечном года
и веры зерновые роды.

Под переключку этих звёзд
пить губ твоих прикосновенье.
И в путь – открытый, как вопрос
Творца над бездною творенья.
Не суд, но сад – судьбы свершенья.
Звук солнца, падающий с древа.
В любовной тьме земного чрева
кипит работа всепрощенья.

21 сентября 2012

Гранит Поэзии

Как берега немые – реку,
так речь поэзии гранит
ведёт сквозь сердце человека –
с истоков к устью – и молчит,

устами совести целован,
омытый судьбами ветров,
нездешней верой отшлифован,
хранимый памятью веков.

Я тихо преклонил колени
перед твердынею Твоей:
как строфы, в Небо шли ступени;
но сдерживать велишь коней.

28 окт. 20012

Что поём и что потом?
Дыры только штопаем –
дыры времени. Душа
в них сочится, чуть дыша

ЛОВИТ СЛОВО

.....

..... Время лечит,
сквозь лицо летит – навстречу.

Переливы, пересказы,
переправы... Рвутся фразы.
Шепчут вещи, сроки всходят.
И предатель взор отводит.

Через пропасть лживых глаз
перекинув пару фраз,
стих сбывается, кружится.
Гром крадётся, львам не спится.

Что поём и что потом?
Что посеем, что пожнём?
Мы вздыхаем вечерами...
Звёзды ходят рядом с нами.

И окутанная снами,
перекличками, стихами,
в хороводе зим и лет,
избранная из планет,

в облачной фате небесной,
Солнца верного невеста,
примет нас сыра-земля.
Здесь любили ты и я.

... Белоснежной тропкой вьётся
одинокая строка.
И придёт апрель – напьётся
музыкой из родника.

28 июня 2013

Дополнение.

Эхо

Осатаневшей суеты
отчаянным молчаньем оглушённый,
я отдалённые не слышу стоны:

Поэта чистые персты
молитв перебирают струны
в окаменевшем сне подлунном.

В бездонной пропасти мерцал

надежды лёгкий идеал.
И камнем падал сквозь столетья
твой крик – и знал: ему ответят.

Душа не плачет, не стыдится:
ей нечем, незачем гордиться.
Здесь, на граните, у воды
её стихов легли следы.

25 июня 2014.

Небо строится – сказочник счастлив!
Строгий плотник строгал мою душу.
Слово за слово – падала стружка.
Завитками стихов истончались
кольца лет, словно органы слуха.
Пахло дерево домом далёким...
Вечерело. Забытые строки
натянулись как стропы. Разлука
верной псиной поэзии служит.
Мы так долго не знали друг друга!
И построили замок воздушный –
это плоть венценосного духа.

18 августа 2014

Косноязычие

стансы

Как быт ныряет в бытие,
блажит, сжигая бред блаженства,
так тает солнца снег в корыте – и
страшит неуловимость совершенства!

Есть мера смертная тоске
и звёзд мерцанье измеримо,
росинкой жизнь висит на волоске,
её любви безмолвие – незримо.

На счастье жмурясь, циферблат,
как пёс цепной, минуты цедит,
но вздох грудной, но мимолётный взгляд –
под страхом смерти сторож не оценит!

Музейных ниш всеведущ страж,
листы исчислены на древе,
но шелест милый, нежный шёпот наш –
числу неуловимы, нераздельны.

27 авг. 2014

Родник

1.

Грусть в памяти разлитая – родник:
свечением воды живой и мёртвой
исполнена поэзия. Над ним
свои душа склоняет ветви гордо,
бессмертия испытывая негу.
Хранят листы, как отпечатки рук,
судьбы журчащую строку и почерк
её пера, что предавалось бегу
событий, встреч, рождений и разлук.
Там, в коридоре тёмных одиночеств,
мечтали много и грешили где мы,
мерцает искрой вечного огня,
как эпилог неконченной поэмы,
немое человеческое «я».
И радугою в воздухе – родник
поэзии, в чьих каплях Божий Лик
мы узнаём, по умершим скорбя.

2 июля 2016

2.

Времён родник сквозь мир два рукава –
живой воды и мёртвой, но не лживой, –
переливаясь в лица и слова,
влечёт к бескрайним памяти разливам.
В них смотрится с небес душа, полна
любви речей и тишины забвенья.
И дарят ей, мерцаая, отраженья
то быль-тоску, то небылицы сна;
и зим, и лет ведут круговорот.
Но вдруг, как ропот рыб глухой со дна,
мгла исподлобья – лик наоборот –
безлунный ритм доносит лживых вод.
Остывший дух в зеркале их хохочет,
безумьем снулым мажет небосвод
и сажей слов – неискренние очи.

11 июля 2016